

Серегин Н.Н.
(г. Барнаул, Россия)

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ*

Научный руководитель – профессор, д.и.н. А.А. Тишкин

Согласно современным представлениям о методике социальных реконструкций по материалам погребальных комплексов, одним из важных этапов исследования является изучение показателей обряда, вариабельность которых связана с определенным полом и возрастом умерших. Известно, что в древних и средневековых обществах, в том числе и в социумах кочевников, роль, положение и функции мужчин, женщин и детей серьезным образом различались. Наиболее очевидной является трудовая специализация – мужчины занимались военным делом, женщины вели хозяйство, воспитывали детей и т.д. Существенными являются и возрастные показатели. К примеру, в письменных источниках и этнографических материалах имеются многочисленные свидетельства, связанные с описанием прохождения юношами инициации, после которой они становились полноправными воинами и членами общества (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с.29; Социальная структура ..., 2005, с.61–62). Различным могло быть положение людей преклонного возраста, с одной стороны, обладавших значительным жизненным опытом и знаниями, но имевших меньше возможностей для физического труда. Изучение обозначенных показателей для конкретного социума представляет большой интерес. Кроме того, подобная работа является базой для дальнейшего исследования, направленного на выделение показателей обряда, обусловленных уже не половозрастными характеристиками умерших, а их социальным статусом.

Особенности половозрастной дифференциации в погребальном обряде населения тюркской культуры неоднократно рассматривались исследователями. В первую очередь изучались различия в составе сопроводительного инвентаря. Наиболее подробно данный вопрос представлен в статье Г.В. Длужневской (1976), которая обозначила основные характеристики предметного комплекса в погребениях мужчин, детей и женщин. При этом исследовательница подчеркнула, что положение последних в обществе кочевников раннего средневековья было достаточно высоким (Длужневская Г.В., 1976, с.200). Д.Г. Савинов (1982, с.119–120) отметил, что отличительной особенностью женских погребений тюркской культуры является наличие металлического зеркала в сочетании с гребнем и маленьким ножиком, что отражает, по мнению исследователя, реальные этнографические особенности раннесредневекового населения.

Комплекс вопросов, связанных с изучением особенностей женских погребений тюркской культуры, в последние годы затрагивался в целом ряде работ. В.Н. Третьякова (2000, с. 55) обратила внимание на то, что на некоторых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Описание трех женских захоронений тюркской культуры, обнаруженных в Монголии, приведено в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2006, с.498–499). Авторы отметили, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда. Перспективы изучения женских погребений тюркской культуры Саяно-Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской (2006, 2007а-б). По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества кочевников раннего средневековья (Белинская К.Ы., 2007а, с.147). В специальной работе исследовательницы приведена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

раннесредневековых памятников Горного Алтая (Белинская К.Ы., 2007б). Судя по приведенным описаниям, всего автором было учтено 22 захоронения. При этом остался неясным принцип определения гендерной принадлежности умерших из рассмотренных могил. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана (Гаврилова А.А., 1965, с.25–26, Табл. XX), а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы. Следует отметить, что К.Ы. Белинская (2007б, с.204) подчеркнула необходимость продолжения подобной работы с привлечением не только археологических, но также письменных, этнографических и изобразительных источников. Некоторые возможности анализа женских захоронений тюркской культуры продемонстрированы в недавней статье С.А. Васютина (2009, с.200–201), выделившего две возрастные группы женщин, получившие отражение в материалах погребальных комплексов Саяно-Алтая.

Специфика детской погребальной практики тюрков раннего средневековья представлена Г.В. Кубаревым (1996; 2005, с.21–22), обратившим внимание, преимущественно, на особенности скальных объектов. При этом исследователь отметил, что для мужских и женских могил характерен единый обряд, а отличия фиксируются только в составе сопроводительного инвентаря (Кубарев Г.В., 2005, с.23).

Итак, в работах целого ряда исследователей намечены некоторые характеристики обряда, являющиеся отражением половозрастной дифференциации в обществе кочевников тюркской культуры. Целенаправленный анализ имеющихся материалов позволяет более подробно раскрыть специфику мужских, женских и детских погребений кочевников раннего средневековья.

Основой для изучения различных аспектов социальной структуры и организации общества тюркской культуры Саяно-Алтая стали материалы 204 погребений, исследованных на территории Горного Алтая (110 объектов), Тувы (40 объектов) и Минусинской котловины (50 объектов). Основными факторами в ходе отбора памятников из общего количества раскопанных на сегодняшний день могил (более 300) являлось наличие антропологической характеристики умершего, либо возможности определения пола на основе имеющихся показателей, выделенных в ходе работы. Учитывались не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, для которых сохранились характеристики, необходимые для полноценного анализа. В итоге учтено 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское. Ниже представлены характеристики, отличающие погребальную обрядность каждой из обозначенных групп.

Обратим внимание, что работа проводилась на основе учета показателей погребального обряда, выделенных и подробно рассмотренных автором ранее (Серегин Н.Н., 2009а-в и др.). Все признаки объединены в рамках трех блоков: погребальные сооружения, ритуал и сопроводительный инвентарь, и представлены с учетом подобного разделения. Подчеркнем, что в процессе исследования принимались во внимание результаты, полученные при анализе основных элементов погребальной практики для всей совокупности объектов.

Погребальные сооружения (Табл. 1).

Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов (Серегин Н.Н., 2009а), с половозрастной принадлежностью умерших продемонстрировало отсутствие, в абсолютном большинстве случаев, какой-либо зависимости между обозначенными показателями. Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей тюркской культуры, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевников. К примеру, на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба. В ходе раскопок комплекса Аймырлыг в Туве отмечено преимущественное помещение мужчин в подбой. Не исключена связь скальных объектов с захоронениями детей, однако редкость подобных памятников ограничивает возможность выявления тенденций в этом плане.

Следует отметить, что достаточно четко фиксируется приуроченность «околокурганнных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и

кенотафы, также определенные как «мужские». Вместе с тем, наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера), характерно для женских погребений. В целом же, распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половозрастной дифференциацией в обществе номадов тюркской культуры.

Определенным показателем в этом отношении являются размеры погребальных сооружений. Вариабельность параметров наземных и внутримогильных конструкций в значительной степени определялась половой принадлежностью похороненных людей и их физическими данными.

Таблица 1. Специфика погребальных конструкций мужских, женских и детских захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая

Элемент конструкции	Мужские погребения <i>133 (100%) погребения</i>	Женские погребения <i>40 (100%) погребений</i>	Детские погребения <i>31 (100%) погребение</i>
Округлая насыпь	112 (84,21%)	31 (77,5%)	26 (83,87%)
Подквадратная насыпь	6 (4,51%)	4 (10%)	2 (6,45%)
Впускное погребение	14 (10,52%)	5 (12,5%)	1 (3,22%)
Скальное погребение	1 (0,75%)	-	2 (6,45%)
Кольцевая выкладка	29 (21,8%)	13 (32,5%)	10 (32,25%)
Крепида	21 (15,78%)	7 (17,5%)	8 (25,8%)
Ограда	8 (6,01%)	6 (15%)	2 (6,45%)
Перегородка	46 (34,58%)	18 (45%)	8 (25,8%)
Приступка	42 (31,57%)	19 (47,5%)	4 (12,9%)
Подбой	10 (7,51%)	5 (12,5%)	3 (9,67%)
Перекрытие	18 (13,53%)	6 (15%)	4 (12,9%)
Погребальная камера	17 (12,78%)	8 (20%)	4 (12,9%)

Погребальный ритуал (Табл. 2).

В ходе изучения основных элементов обряда населения тюркской культуры были выделены стандартные формы ритуала (Серегин Н.Н., 2009б-в). Представляется возможным утверждать, что особенности ориентировки и положения умерших, а также сопровождавших их животных, связаны со своеобразием развития общности на различных территориях и обусловлены, по всей видимости, спецификой этнической или родовой принадлежности конкретных групп номадов. В частности, наиболее существенным является различие стандарта погребального ритуала населения Горного Алтая и Тувы, с одной стороны, и Минусинской котловины – с другой. В связи с этим, очевидно, что вариабельность обозначенных показателей не связана с половозрастной принадлежностью умерших.

Гендерная и возрастная дифференциация общества кочевников тюркской культуры получила отражение в таких признаках ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Стандартом мужских и женских погребений (более 70%) является помещение в могилу одной лошади. По всей видимости, это было обязательным элементом обряда для полноправных представителей взрослого населения. При этом следует подчеркнуть, что распространение женских и мужских погребений без лошади связано с явлениями не только социального, но также этнического и хронологического характера.

Существенным признаком, вариабельность которого связана с гендерной принадлежностью умершего, является количество лошадей. В могилах мужчин нередким было присутствие двух и более особей. Подобная ситуация отмечена в ходе раскопок 24 (18%) объектов. Для погребений женщин подобные случаи единичны.

Таблица 2. Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая

Количество и вид сопровождавших человека животных	Мужские погребения <i>133 (100%) погребения</i>	Женские погребения <i>40 (100%) погребений</i>	Детские погребения <i>31 (100%) погребение</i>
Одна лошадь	95 (71,42%)	32 (80%)	2 (6,45%)
Две лошади	19 (14,28%)	1 (2,5%)	-
Три лошади	4 (3%)	-	-
Четыре лошади	1 (0,75%)	-	-
Лошадь отсутствует	13 (9,77%)	7 (17,5%)	17 (54,83%)
Овца	1 (0,75%)	-	12 (38,7%)

Отметим, что сам факт наличия лошади в погребении был важным показателем наличия возрастной дифференциации в обряде населения тюркской культуры. Иллюстрацией подобного утверждения являются результаты раскопок детских погребений. Только в двух случаях (6,45%) в могиле ребенка присутствовало сопроводительное захоронение лошади. Более чем в половине детских погребений (54,83%) животное отсутствовало. В 12 (38,7%) случаях зафиксирована замена лошади на овцу. Подобный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Среднего Енисея.

Сопроводительный инвентарь (Табл. 3).

Наиболее четким показателем половозрастной дифференциации в обществе кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая является комплекс предметов, зафиксированных рядом с умершим. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в мужских, женских и детских могилах. Совокупность вещей, обнаруженных в погребениях, разделена по функциональному назначению на несколько предметных комплексов, включающих различные группы изделий.

I. Вооружение и воинское снаряжение: 1) сложносоставной лук; 2) железные наконечники стрел; 3) клинковое оружие (длиннолезвийный боевой нож, кинжал, меч); 4) топор; 5) копьё; 6) защитный доспех.

II. Украшения и предметы костюма: 1) наборный пояс; 2) серьги; 3) другие украшения (бусы, подвески, ожерелья, кольца); 4) монеты; 5) фрагменты шелковой одежды.

III. Предметы быта и туалета: 1) металлическое зеркало; 2) гребень (костяной или деревянный); 3) металлический сосуд; 4) керамический сосуд; 5) котел; 6) игольник.

IV. Орудия труда: 1) нож; 2) пряслице; 3) тесло; 4) оселок; 5) плетель/стек; 6) кочедык.

V. Снаряжение верховой лошади: 1) удила и псалии; 2) стремяна; 3) украшения узды.

Распределение некоторых из обозначенных предметов в погребениях было связано с половой принадлежностью умерших. В меньшей степени имеется возможность обозначения возрастной дифференциации общества, что обусловлено редкостью антропологических характеристик.

Основным атрибутом и наиболее четким показателем мужских погребений тюркской культуры являются предметы вооружения. Подобные предметы зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,23%) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. В ряде случаев, когда имелось определение возраста последней группы умерших, отмечена их принадлежность к юношам и пожилым мужчинам (Гаврилова А.А., 1965, с.58; Комарова М.Н., 1973, с.208; Могильников В.А. и др., 1992, с.83).

Наиболее распространенным в мужских погребениях тюркской культуры было оружие дистанционного боя. Остатки сложносоставного лука и железных наконечников стрел зафиксированы в 84 (63,15%) и 105 (78,94%) могилах. Менее частыми являются находки оружия ближнего боя и таранного удара, а также защитного доспеха. Боевые

длиннолезвийные ножи, кинжалы и мечи обнаружены в 34 (25,56%) погребениях. Гораздо реже встречены топор и копье, зафиксированные в четырех (3%) и пяти (3,75%) мужских могилах. Всего шесть раз (4,5%) отмечено присутствие в погребении или кенотафе фрагментов защитного доспеха.

Судя по всему, насыщенность погребения предметами вооружения определялась, прежде всего, не возрастом, а заслугами и профессиональным статусом умершего воина. К примеру, в ряде случаев в могилах юношей 16–20 лет зафиксировано несколько различных категорий рассматриваемых предметов. Не исключено некоторое снижение статуса пожилых (более 55 лет) людей, что нашло отражение в сокращении количества обозначенных вещей, отсутствии оружия ближнего боя и др. Вместе с тем, то, что предметы вооружения зафиксированы в ряде погребений мужчин этой возрастной группы, свидетельствует о сохранении ими определенного статуса.

Предметы вооружения, а именно кинжалы, зафиксированы только в двух (5%) женских погребениях. Также в двух детских могилах обнаружены железные наконечники стрел. Таким образом, наличие оружия в погребении является одним из существенных показателей гендерной и возрастной принадлежности умерших.

Таблица 3. Предметный комплекс мужских, женских и детских погребений тюркской культуры Саяно-Алтая

Группа предметов	Элемент предметного комплекса	Мужские погребения <i>133 (100%) погребения</i>	Женские погребения <i>40 (100%) погребений</i>	Детские погребения <i>31 (100%) погребение</i>
Вооружение	Лук	84 (63,15%)	-	-
	Наконечники стрел	105 (78,94%)	-	2 (6,45%)
	Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	-
	Топор	4 (3%)	-	-
	Копье	5 (3,75%)	-	-
	Защитное вооружение	6 (4,5%)	-	-
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12%)	2 (5%)	3 (9,67%)
	Серьги	23 (17,29%)	20 (50%)	2 (6,45%)
	Другие украшения	5 (3,75%)	9 (22,5%)	3 (9,67%)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56%)	8 (20%)	-
	Монеты	8 (6,01%)	1 (2,5%)	-
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3%)	7 (17,5%)	-
	Металлический сосуд	6 (4,5%)	1 (2,5%)	-
	Керамический сосуд	16 (12,3%)	6 (15%)	12 (38,7%)
	Котел	4 (3%)	-	-
	Игольник	-	5 (12,5%)	-
Орудия труда	Нож	77 (57,89%)	21 (52,5%)	7 (22,58%)
	Пряслица	-	7 (17,5%)	1 (3,22%)
	Тесло	41 (30,82%)	-	1 (3,22%)
	Осенок	7 (5,26%)	1 (2,5%)	-
	Кочедык	8 (6,01%)	-	-
	Плеть/стек	13 (9,77%)	4 (10%)	-
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18%)	25 (62,5%)	2 (6,45%)
	Стремена	93 (69,92%)	22 (55%)	2 (6,45%)
	Украшения узды	17 (12,78%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)

Меньшая обусловленность половозрастными характеристиками погребенных наблюдается для распределения украшений и предметов костюма. Вместе с тем, некоторые тенденции отмечены и при рассмотрении подобных предметов. Наиболее четкая закономерность связана с распространением такого важного элемента костюма как наборный пояс. Подобная деталь одежды являлась важным показателем воина-кочевника и встречена в 68 (51,12%) погребениях мужчин. Наборный пояс зафиксирован также в двух (5%) женских и трех (9,67%) детских могилах. Почти в равной степени в погребениях мужчин и женщин отмечены фрагменты шелковой одежды – 34 (25,56%) и 8 (20%) случаев, соответственно.

Различные виды украшений, что вполне закономерно, получили наибольшее распространение в могилах представительниц слабого пола. Серьги из цветных металлов зафиксированы в половине (50%) женских погребений и только 23 раза (17,29%) находились рядом с умершим мужчиной. Другие украшения (подвески, ожерелья, бусы, кольца) также чаще всего маркировали женскую могилу – 9 (22,5% случаев), и более фрагментарно входили в состав сопроводительного инвентаря мужчин – 5 (3,75%) погребений и детей – 3 (9,67%) объекта.

Достаточно четким маркером могил женщин были также предметы туалета. Металлические зеркала, костяные и деревянные гребни и игольницы, встреченные рядом с умершей, соответственно, в 13 (32,5%), 7 (17,5%) и 5 (12,5%) случаях, в погребениях мужчин и детей являются единичными. Противоположные тенденции характерны для распределения металлической посуды. Железные котлы, являясь крайне редким элементом предметного комплекса раннесредневековых номадов Саяно-Алтая, зафиксированы всего в четырех (3%) мужских погребениях. Также принадлежностью почти исключительно мужчин были металлические сосуды. Подобные изделия встречены рядом с умершим шесть раз (4,5%), и только однажды входили в состав сопроводительного инвентаря женского погребения. Керамические сосуды, наибольшее распространение которых в раннем средневековье отмечено для территории Среднего Енисея, чаще всего обнаружены в захоронениях детей – 12 (38,7%) случаев. Почти в равной степени подобные находки зафиксированы в могилах мужчин – 16 (12,3%) раз и женщин – 6 (15%) погребений.

К украшениям и предметам костюма условно отнесены китайские монеты, в ряде случаев зафиксированные в погребениях тюркской культуры (Серегин Н.Н., 2008). Следует отметить, что бытование подобных предметов в среде кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости (Щербак А.М., 1960), то, безусловно, только этим не ограничивалось. Вполне обоснованным представляется утверждение о том, что китайские монеты могли носиться как амулеты. Свидетельством изменения функций изделий можно считать благожелательные надписи на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с.117). Кроме того, существует предположение, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и др. (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с.30; Камышев А.М., 1999, с.59; Масумото Т., 2001, с.52; Филиппова И.В., 2005, с.15). Отметим, что основной характеристикой распространения рассматриваемых изделий, помимо их редкости, является то, что они зафиксированы почти исключительно в погребениях мужчин – 8 (6,01%) случаев.

Универсальным орудием труда, степень распространения которого была примерно схожа для лиц обоих полов, является нож. Подобные изделия обнаружены в 104 погребениях тюркской культуры, что составляет более половины (51%) учтенных нами объектов. Нож является стандартным элементом сопроводительного инвентаря мужчин и женщин и зафиксирован, соответственно, в 77 (57,89%) и 20 (50%) могилах. Несколько реже рассматриваемые находки фиксируются в захоронениях детей – 7 (22,58%) случаев.

Особенности трудовой специализации в обществе кочевников тюркской культуры отражает обнаружение почти исключительно в мужских погребениях тесел – 41 (30,82%), оселков – 7 (5,26%) и изделий для развязывания узлов (кочедык) – 8 (6,01%) случаев. По всей видимости, хозяйственная деятельность женщин была связана с использованием пряслиц, встреченных в 7 (17,5%) погребениях. Плеть или стек в равной степени (около 10%) зафиксированы в могилах лиц обоих полов.

Отметим, что из орудий труда в захоронениях детей распространение получили только ножи. Другие изделия рассматриваемой группы в подобных объектах не зафиксированы или встречены в единичных случаях. По всей видимости, данное обстоятельство является отражением ограниченной вовлеченности детей в хозяйственную деятельность.

Наиболее распространенным элементом вещевого комплекса в погребениях населения тюркской культуры являются предметы, входившие в комплекс снаряжения верховой лошади. Удила, псалии и стремяна, встреченные в могилах лиц обоих полов почти в равной степени, отсутствовали только в 12 (30%) женских и 22 (16,54%) мужских захоронениях. Снаряжение лошади в ряде случаев имелось даже в одиночных погребениях (без животного). Более редким элементом конской амуниции являлись украшения узды. Интересно, что подобные изделия значительно чаще зафиксированы в женских могилах – 13 (32,5%), чем в мужских объектах – 17 (12,78%) случаев. Снаряжение верховой лошади, а также украшения узды почти не обнаружены в детских захоронениях, входя, преимущественно, в состав сопроводительного инвентаря взрослых членов общества тюркской культуры.

Итак, анализ степени встречаемости различных категорий предметов в погребениях раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая позволил выделить группы вещей и отдельные находки, являющиеся показателем определенной половой принадлежности умерших. Маркером почти исключительно мужских могил были предметы вооружения, наборный пояс, металлическая посуда, и некоторые орудия труда (тесло, оселок, кочедык). Женские погребения отличались присутствием предметов туалета (металлическое зеркало, гребень, игольник), а также большей степенью распространения украшений. Многие предметы являлись универсальными и присутствовали в могилах лиц обоих полов, отличаясь лишь частотой встречаемости. Безусловно, выявленные закономерности отражают, прежде всего, трудовую специализацию населения тюркской культуры.

Возрастная дифференциация общества тюркской культуры нашла отражение, прежде всего, в редкости или отсутствии большинства рассмотренных предметов сопроводительного инвентаря в погребениях детей. Самыми распространенными находками в могилах данной группы населения являются ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений – 11 (35,48%) какие-либо находки отсутствовали.

К сожалению, рассмотрение возрастной дифференциации среди взрослых мужчин и женщин затруднительно в связи с отсутствием, в большинстве случаев, антропологических определений. В то же время, можно предположить, что положение людей определялось, прежде всего, не возрастом, а имеющимися заслугами и происхождением. Известны погребения юношей, включающие разнообразный и многочисленный сопроводительный инвентарь. В то же время, очевидно и то, что основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины. В ряде случаев отмечается сохранение статуса лиц, находящихся в преклонном возрасте. Последние утверждения справедливы и по отношению к особенностям прижизненного положения женщин.

Таким образом, половозрастная принадлежность умерших являлась одним из факторов, определивших специфику погребального обряда. Наиболее показательными в этом отношении признаками являлись размеры наземных и подкурганых сооружений, количество захороненных лошадей и качественный состав сопроводительного инвентаря. Другой фактор, обусловивший вариативность этих и других характеристик обряда, связан с различным социальным статусом умерших и требует детального рассмотрения в отдельной работе.

Библиографический список

1. Белинская, К.Ы. Изучение гендерных отношений у древних тюрков (по материалам археологии) / К.Ы. Белинская // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: КГПУ, 2006. – Т. II. – С. 12–13.
2. Белинская, К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая / К.Ы. Белинская // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 146–148.
3. Белинская, К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая / К.Ы. Белинская // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С. 199–204.
4. Васютин, С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая / С.А. Васютин // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 198–201.
5. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
6. Длужневская, Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) / Г.В. Длужневская // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. – Вып. 21. – С. 193–200.
7. Добродомов, И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков / И.Г. Добродомов // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Наука, 1980. – С. 94–97.
8. Камышев, А.М. Монеты Китая из Кыргызстана / А.М. Камышев // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1999. – Вып. IV. – С. 57–65.
9. Кляшторный, С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии / Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб: Наука, 2006. – С. 115–119.
10. Комарова, М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане / М.Н. Комарова // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. – Вып. XVI. – С. 207–210.
11. Крадин, Н.Н. Социальная структура хунну Забайкалья / Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.
12. Кубарев, Г.В. Детские древнетюркские погребения Саяно-Алтая / Г.В. Кубарев // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: ИрГТУ, 1996. – Ч. II. – С. 107–111.
13. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 400 с.
14. Масумото, Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири / Т. Масумото // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 49–52.
15. Могильников, В.А. Раскопки в Куроте / В.А. Могильников, А.В. Куйбышев, В.Н. Елин // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 83–84.
16. Савинов, Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) / Д.Г. Савинов // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
17. Серегин, Н.Н. Китайские монеты из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии / Н.Н. Серегин // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 190–193.
18. Серегин, Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. №4/2 (64/2). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009а. – С. 190–194.
19. Серегин, Н.Н. Погребальный ритуал тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных

- регионов. – Ховд; Томск: Изд-во Ховдского государственного университета, 2009б. – С. 43–49.
20. Серегин, Н.Н. Специфика развития тюркской культуры Саяно-Алтая (к вопросу о выделении локальных вариантов) / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. №4/4 (64/4). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009в. – С. 225–228.
 21. Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / под ред. Крадина Н.Н., Тишкина А.А., Харинского А.В. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. – 312 с.
 22. Троицкая, Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – 152 с.
 23. Филиппова, И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... к.и.н. / И.В. Филиппова; НГУ. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
 24. Худяков, Ю.С. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрок на территории Монголии / Ю.С. Худяков, К.Ы. Белинская // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. – Т. XII. Ч. 1. – С. 497–500.
 25. Щербак, А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска / А.М. Щербак // ВДИ. – 1960. – №2. – С. 139–141.